

Пётр АБРАМЕНКО

СКРИП

Повесть

*И нет ничего, чтобы просто уснуть.
Саша, который выпал из окна.*

I

Помню, первое, что там увидел – как медработники толкают голых подростков в душевую, из которой идёт пар. Мама плакала, её вывели. Меня повели по коридору, я обернулся: папа ещё стоял у дверей и смотрел мне вслед. Так это и произошло: попав через приёмный покой в двадцать четвертое отделение, я – мальчик семнадцати лет, весом сорок килограмм и ростом сто шестьдесят пять сантиметров – ощутил некоторое сомнительное родство с Бродским, Цоем, Высоцким, Томом Крузом и Стивеном Тайлером – теперь в моей биографии тоже будет написано: «Лежал в психиатрической больнице».

Я уже переоделся в истёртую, обвисшую и криво сшитую пижаму в бело-голубую полоску. Не уверен, что у Тома Круза была именно такая. Медсестра отвела меня в четвёртую, последнюю палату.

В четвёртой на тот момент никого не было. Три койки были застелены, чьи хозяева, видимо, просто вышли; а четвёртая, с голым матрасом, терпеливо ждала нового, свеженького пациента – меня. Что касается её убранства, то в ней не было ничего, кроме четырёх коек, одной тумбочки и лампочки, свисающей с потолка. Двери и занавески отсутствовали – только широкий проход в стене. Матрас мой был весь в старых пятнах. Стены облезлые, как кожа больного старика. Медсестра дала мне в руки постельное бельё и сказала застелить.

– Не умею, – сообщил я даже с некоторой гордостью. Мол, это вы, жалкие людишки, нуждаетесь в застилании постели, а я, будущий великий композитор и поэт, не трачу времени на такие пустые занятия.

В палату зашёл один из пациентов, которому она сказала: «Заправь ему постель» и ушла.

– Привет, – сказал я.

– Прив...йет, – ответил он мне и занялся постелью. Дикция у него была нечёткая, как у глухого.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– Лйоша. А тебя?

– Паша.

Телосложение у него было коренастое, но рост даже для коренастого человека был низок: его будто сплющили. Лицо какое-то странное, большое, искажённое улыбкой и двумя ассиметричными впадинками для чёрных глаз; пижама особенно истрёпанная, даже немного порванная на груди. И, как я позже ни вслушивался в его голос, не мог найти никакой системы в его искажённых звуках: глухие согласные он иногда озвончал, а звонкие иногда оглушал, безударные гласные порой произносил, переусердствовав в артикуляции, а ударные временами выговаривал недостаточно чётко.

Пётр Абраменко родился в Челябинске в 2001 году. Учится в Южно-Уральском государственном университете (кафедра лингвистики и перевода). В «Волге» публикуется впервые.

Он показал мне, куда и как это постельное бельё совать, но я ничего не понял и смиренно (прямо как учили меня православные родители) принял этот факт. Я наконец-то сел на кровать, и она ужасно, надрывно и мерзопакостно скрипнула, уподобляясь первым попыткам человека создать скрипку.

– Ты в какой палате? – спросил я Лёшу.

– Ввв этой.

Я был рад такому ответу, потому что изначально почувствовал к нему симпатию. Он был похож на такого наивного ребёнка, который ничего особенного не делает, но светится каким-то божьим сиянием.

Зашли ещё два пациента:

– Сегодня хотя бы суп был, а не вода с овощами, – сказал тощий мальчик с короткими чёрными волосами.

– О! Новенький? Никита, – протягивая мне руку, сказал другой, уже покрупнее, с пепельными волосами и в прямоугольных очках.

Я пожал её и представился. Познакомился и с тощим – его звали Серёжей. Все улеглись на кровати с таким же скрипом, а я продолжил сидеть.

– Ты здесь с чем? – спросил Никита.

– Я думаю, что с депрессией.

– Ты думаешь?

– Ну, я же не врач, – я не стал говорить о том, что у меня также подозревают шизофрению, поскольку точно знал, что у меня её нет.

– Странно, не встречал ещё здесь человека, попавшего сюда *только* из-за депрессии.

– А что ты хочешь, чтобы он вскрылся, и *пока*? – возразил Серёжа.

– Да... верно, – ответил тот.

– А ты с чем? – я бы не решился спрашивать так сразу и напрямик, но раз он спросил, мне следовало поинтересоваться в ответ.

– У меня мачеха долбанутая. Вот она меня сюда и засунула, – мне подумалось почему-то, что он врёт, то ли глаза у него как-то забегали, то ли ещё что, но, в сущности, для меня это не имело никакого значения.

– Как? – спросил я.

– А вот так, дружок, вот так.

– Не могут же человека засунуть сюда просто так.

– Ещё как, – усмехнулся он и подытожил: – Две недели уже тут торчу. Серый подтвердит, мы с ним в один день поступили.

– Серёжа, а ты здесь как оказался? – теперь мне для приличия следовало спросить и у других, чтобы не показалось, что мне не интересно. Но ответа не последовало. Он лежал как лежал, предельно спокойный, и, сосредоточенный, уже читал какую-то книжку.

– Серёжа... – снова сказал я, подумав, что он не услышал.

– Он тебе не ответит, – сказал Никита.

– Почему?

– Ну, не ответит и всё. Мне тоже не отвечает.

Я понял, что спрашивать о причинах госпитализации у каждого здесь не стоит, но в палате неспрошенным оставался один Лёша, и я решил догнать линию, чтобы он не почувствовал себя обделённым:

– Лёша, а ты чего тут?

– Я тут эта... йа... – он серьёзно задумался, подбирая нужные слова, – йа это... я туд... я по своим делам...

– И он тоже ничего не скажет, – встрял Никита, – не пытай, бесполезно.

Я замолк и со скрипом прилёг. Через несколько минут зашла медсестра:

– Огаренко, пошли.

Я, следовательно, пошёл. Мы пошли через весь коридор в кабинет с лекарствами, и я мельком заглядывал в каждую палату. Вот третья – вроде примерно такая же, как моя, четвёртая. Только коек с людьми побольше. Вот вторая. Уже как-то тесновато в ней. А вот первая – примерно двадцать коек, как в фильмах про армию. В лица пациентов всмотреться не успел. Да и не сильно хотелось.

В кабинете мне дали две таблетки. Я взял.

– Пей, – говорит мне она.

Я выпил.

– Открой рот.

Я открыл. Она посмотрела в него.

– Я – Мария Геннадьевна. Старшая медсестра. Со всеми вопросами ко мне, – сказала она, тут же села и начала торопливо заполнять какую-то кипу бумажек.

Я закрыл рот и спросил:

– Вы мне что дали?

– Рисперидон и Феварин.

– Это что?

– Нейролептик и антидепрессант, – отвечала она будто робот, и вообще больше внимания уделяла заполнению бумаг.

Я тогда ещё толком не знал, что такое нейролептик, но антидепрессанту обрадовался. Я думал, что мне станет хорошо и, будто накуренный опиумом, буду лежать тут, сколько душе угодно.

– А когда антидепрессант подействует?

– Через две недели.

– Ааа... как же я буду жить эти две недели?

– А чего бы тебе не жить?

– Меня девушка бросила. Да ненадолго, скоро вернётся. У нас это уже много раз было. И всё-таки неприятно.

– И что, всё?

– Да.

– Много кого девушки бросают, но к нам не попадают. Если ты здесь, видимо, неспроста.

– И всё же, как мне жить?

– Идти в палату.

– А через две недели мне станет хорошо?

– Станет.

Я пошёл назад и замедлил шаг у первой палаты. Смотрел на лица лежащих: на каких-то виднелась тревога, но не открытая, а припрятанная, на каких-то была скука, на других безразличие – не обычное, а пугающее, – но по всем лицам я мог точно сказать: была в них какая-то загнанность – дубовая, поросшая, даже древняя, если так можно сказать; загнанность, идущая из некой первобытной глубины.

По другую сторону коридора располагались окна. Вид выходил на заснеженную больничную территорию; снега было немного. Белела парковка с тремя разрозненно стоящими, грязными машинами; за ней была дорога с едва наезженной, но уже серой колеёй; за дорогой – бетонный забор, и за ним начинались обглоданные зимой, труднопроходимые заросли. На улице было нормально, – то есть тихо, спокойно, всё там застыло, словно собираясь так и существовать до конца жизни нашей вселенной, а происходящее совершенно нормально и ничего такого не происходит. Будто я нахожусь не в медицинском учреждении закрытого типа, а в гостях у милых, гостеприимных родственников, которые, может, и несколько страдают гиперопекой, но всё же милые и гостеприимные. Это был декабрь; если не ошибаюсь, десятое число.

Я вернулся в палату, не теряя надежды на какое-то лекарственное облегчение, и помню, даже немного улыбался. Может, тот нейролептик уже помогает, подумал я.

– Ну что? – спросил Никита.

- Дали лекарства.
- А что дали?
- Какой-то респандон и ещё чего-то, забыл уже. Какой-то антидепрессант.
- Респандон... Рисперидон?
- Да!
- Ууу...
- А что?
- Я его пью.
- И как?
- А вот жди, увидишь.

Я лёг и стал ждать. Прележал так минут пятнадцать. Никита с Серёжей играли в шашки. Серёжа проиграл. Потом Никита предложил сыграть мне. Доска представляла из себя какую-то клеёнку, размеченную под шахматную доску, и была расположена на тумбочке рядом с его койкой. Я сел на пол. И тоже проиграл.

– Я играю в шашки с самого детства, – довольно сказал Никита. – Хочешь узнать, как нужно играть?

– Ну, да (мне вообще было по барабану).

Он начал мне что-то объяснять. Мол, надо ходить сначала вот так, открывая путь таким-то шашкам. Потом нужно продвигать другую шашку вот так. Я пытался запомнить, что он говорит, сам не понимая зачем.

– Давай ещё раз, – сказал он, и мы расставили всё назад.

Я сделал ход. И что-то почувствовал. Будто я отделился от самого себя. Он сделал ход и басом сказал что-то вроде: «тахат», то есть я не понял, что он сказал, – звуки стали приглушёнными. Смутно помню, но вроде какой-то странной пантомимой я дал понять, что мне лучше прилечь.

– Оооо, пошло... – расслышал я повеселевший голос Никиты, потом он говорил что-то ещё, но я не разобрал.

Я еле как поднялся и направился к кровати. Лёша быстро встал со своей и помог мне доковылять. Меня начала одолевать настоящая паника. При всей своей нервной болезненности, я никогда не испытывал такой острой и подавляющей паники. Я сел с ногами на постель, но не ложился, – был на взводе. Какая-то невидимая, но будто абсолютно реальная опасность нависла надо мной. Мне было страшно ложиться, сердце колотилось, я ничего не понимал, но постепенно слух вернулся. Меня трясло.

– Какого хрена? – эти слова я адресовал Никите.

– У меня так же было.

– И долго?

– Ну, весь день.

– Твою мать. И что делать?

– Ничего. Ждать. Лёша, ты пойдёшь в шашки?

Тот, наверное, мотнул головой, в общем, молча отказался. Я хотел пойти к медсестре и попросить помощи, но я не мог встать на пол, я боялся чего-то, – не могу объяснить, чего. Я боялся самой жизни, самого воздуха, – я боялся им дышать, боялся пола, стен, всего.

– Приляжь, приляжь, – сказал Никита. Может он и сказал «приляг», но я запомнил «приляжь».

Я доверился этому «приляжь» и лёг. Прележал так какое-то время и отключился.

Меня разбудил Лёша:

– И есть пора. Но сначала ната рук-ки помыть.

За окнами уже потемнело, в палате и коридоре был включен свет. «Заглушки», прежде закрывавшие уши, как бы спали, я вновь почувствовал руки и ноги, но тревога не проходила. И ещё я понял, что меня одолевает жуткая тошнота.

– Где тут туалет? – спросил я.

– А мы туда и идём, – сказал Никита, – руки надо помыть.

Я выбежал в коридор и тут же понял, что, помимо прочего, у меня нарушилась аккомодация, – и я практически не различаю контуров предметов, лишь только мутные облики. Но я увидел, как все вроде как выстроились куда-то, и очередь заходила за угол, – что-то вроде какой-то жирной и размазанной в пространстве змеи. Я побежал туда, завернул, растолкал всех и оказался в умывальной.

– Где туалет? – спросил я кого-то.

– Дальше, – послышался чей-то голос.

Я вернулся назад, снова всех расталкивая, и зашёл в следующую дверь. Наконец, увидев заветные белоснежные сиденья, блеванул в одно из них. Ближнее зрение вполне сохранилось, так что я увидел засаленный и полужёлтый, покрытый лобковыми волосами унитаз.

Расстраивали меня не сами лобковые волосы, а осознание того, что все они были мужскими (я лежал в мужском отделении). Будь это женские лобковые волосы, было бы не так гадко; догадываться об их происхождении было легче.

В следующее мгновение пришло ещё одно осознание: в соседнее белоснежное сиденье кто-то мочится, а поскольку перегородок нет, то я испытал некоторую неловкость (я не привык находиться в непосредственной близости со ссушим незнакомым человеком, да и со знакомым тоже, и мне представлялось это чем-то постыдным и позорным).

Умыв лицо и руки в раковине в туалете, напротив я увидел небольшую столовую, что я нашёл символичным. Начал подходить то к одному столу, то к другому. Пока ходил, понял, – меня сверлит мысль о том, что, когда при блевании рвота ударилась о несмытую мочу в белоснежном сидении, брызги лежащей в нём субстанции попали мне на лицо. На самом деле вряд ли оно было так, но меня даже вероятность этого очень тревожила. При этом руки, которыми я дотрагивался до сиденья, меня совсем не беспокоили. А вот лицо, – лицо стало obses-сией. Да, я его умыл, но ведь там вполне могли остаться микроскопические капельки субстанции, как бы тщательно я не пытался их смыть.

Наконец каким-то чудом разглядел Никиту и подсел к нему. Тарелки с котлетами и паршивеньким картофельным пюре уже стояли на столах. Мария Геннадьевна и какая-то младшая медсестра, стоя в разных концах столовой, оглядывали всех как бы для порядка.

– Запомни про еду... – сказал мне Никита, – надо быстро есть, они не любят, когда медлишь.

– А им-то какое дело?

– Они обязаны смотреть за нами, а им лень, наверное.

Я съел остывшее пюре и вышел из-за стола.

– Почему котлеты не съел? – спросила младшая медсестра, которая была ко мне ближе Марии Геннадьевны.

– Я не ем мясо, – ответил я.

– Это почему?

– Не хочу.

– Здесь будешь есть.

– Нет.

Она угрожающе посмотрела и спустя несколько секунд сказала:

– Тут сиди, пока все не закончат, – затем отвела взгляд.

После ужина все разошлись по своим палатам. Я прилёг на койку в надежде на некоторое удовлетворение, – всё-таки все эти передвижения в ходе данной операции стоили немалых усилий (в моём-то состоянии). Но удовлетворения не последовало. Страх и паника никуда не собирались уходить. Кроме того, моё лицо всё ещё «было» в микроскопических капельках мочи из белоснежного сиденья.

Спустя какое-то время в коридоре на столе для двух дежурных медсестёр зазвонил дисковый телефон советских времён, – единственное разрешенное техническое устройство. Медсестра громко выкрикнула имя какого-то, очевидно, пациента, дала ему телефонную трубку примерно

на две минуты, затем, судя по всему, отобрала, положила трубку назад; сразу же раздался ещё звонок, и, ответив, она закричала новое имя. Тогда я и припомнил, как при оформлении бумаг что-то моим родителям говорили про звонки в определённое время вечера, и я понял, что звонили родственники пациентов. Я умолял вселенную, чтобы меня позвали как можно позже, или вообще бы не позвали.

Но меня, разумеется, позвали. Я не помню, каким образом дошёл до телефона. Говорил папа. Он спрашивал какие-то обычные стандартные вопросы вроде «как дела». «А ты как думаешь?» – отвечал я. Вскоре телефон у меня отобрали и положили на место. Я не помню, опять же, как дошёл до палаты. Но я дошёл и снова, скрипнув панцирной сеткой под матрасом, лёг.

Так, конечно, испытания мои кончиться не могли. После звонков через минут тридцать послышался голос медсестры: «Первая палата, в туалет!»

Я не знал, как это расценивать. Должна ли была данная фраза быть вежливым приглашением посетить уборную комнату?

– Что это значит? – перебил я Никиту, который всё это время что-то рассказывал непонятно кому (возможно даже и мне) о каких-то бандюганах, которые лежали где-то в нашем отделении на судебной экспертизе. Они грабанули «Магнит», но не надели масок, так их загребли, – с помощью камер. И как оказалось, у них была какая-то хоть и дебильная, но своя логика. Они специально не надели масок, чтобы в случае их поимки им предъявили не запланированное ограбление, а обычное, за которое дают меньший срок.

– Все пациенты по очереди идут в туалет, – ответил Никита.

– Зачем?

– Чтобы потом, когда им дадут таблетки, не просились туда.

– А что в этом такого?

– Чтoб не выбрасывали спрятанные во рту лекарства. Так что, когда назовут нашу палату, пойдём в туалет.

Я, разумеется, ничего не понял. Но когда медсестра прокричала: «Четвёртая палата», мы дружной мужской компанией пошли в уборную. Я постоял у раковины, думая о том, что если кто-то не захочет пить таблетки, есть масса способов избежать данной участи и без санитарного узла. Например, просто выплюнуть их куда-нибудь. Или положить под матрас. Или забросить в угол палаты. Параллельно я тревожился о микроскопических каплях мочи, умылся ещё раз, но без толку.

Мы снова разбрелись по своим законным местам. Медсестра крикнула: «Первая палата! Лекарства!». В коридоре послышалось оживление, а чуть позже к нам зашёл незнакомый мне пациент, очень высокий и мускулистый. Он начал говорить с Сергеем и Никитой, но я не вслушивался разговор, который оказался довольно продолжительным. И хоть они своим разговором, похожим на жужжание, немного выводили меня из себя, почему-то мне показалось, что стало чуть-чуть полечче. Потом зашла медсестра, Мария Геннадьевна: «А ты какого чёрта тут?!» – закричала она. И я понял, что в чужих палатах находиться нельзя. Он ушёл. «Идите таблетки пить», – сказала Мария Геннадьевна.

– Этот парень, который к нам заходил, – сказал мне Никита по пути к кабинету старшей медсестры, – изнасиловал десятилетнего пацана. Он тут на судебной экспертизе.

Мы выпили таблетки. Вернулись в палату.

– А сколько времени? – спросил я всех.

– Не знаю. Часы в коридоре, около поста, – сообщил Серёжа.

– Хорошо.

Я вышел в коридор, но, не увидев ни времени, ни, собственно, часов, потому что зрение всё ещё оставляло желать лучшего, подошёл прямо к посту и увидел на стене часы. Было около девяти часов вечера.

– Ты почему вышел? – с раздражением спросила медсестра, презрительно глядевшая на меня во время ужина.

– Время посмотреть.

– По коридорам ходить нельзя. Только если срочно нужно к медперсоналу. Если в туалет, то нужно спрашивать разрешения.

Прошло минут пятнадцать. Новый приступ паники, – почти с той же силой, что и после игры в шашки, – застал меня в койке.

Выключили свет. Во всех палатах затихло, кроме нашей. В темноте Никита рассказывал о том, что с пятнадцати лет копил деньги, чтобы через лет десять купить квартиру и съехать от родителей. А Серёжа объяснял про инфляцию, намекая на сомнительность его предприятия. Потом к нам зашла Мария Геннадьевна и снова включила свет.

– Здравствуйте, ребята, – тихо и спокойно сказала она.

Мы поздоровались в ответ.

– Кто у нас завтра будет? – спросил Сергей.

Она назвала какое-то имя.

– А я ухожу в отпуск на неделю.

– Блииин, – протянул Никита, – мы будем по вам скучать.

– Лучше расскажите, как у вас дела, – поинтересовалась она.

Они говорили, говорили, говорили, но из-за паники я не мог ни слушать, ни особо поддерживать с ними разговор.

Лёша подарил Марии Геннадьевне небольшого снеговичка из бумаги, а я задумался, где он мог его взять.

Ещё я понял, что на удивление Мария Геннадьевна довольно милый и приятный человек, о чём я и сказал всем, когда она ушла, погасив за собой свет.

– Да, она хорошая. Тут это редкость. Вот завтра будут те ещё мымыры, – сказал Никита.

– Ты-то откуда знаешь?

– Ты где был? Мария Геннадьевна сказала, что завтра смена Антонины Валерьевны. А она мымыра. А если главная медсестра мымыра, то все тоже мымыры. Такой принцип.

Я особо не расстроился, потому что сил расстраиваться не было. И даже о микроскопических капельках мочи из-за усталости уже не думал.

Как и можно было предположить, Лёша занимался оригами. И все дружно в нашей палате начали делать заготовки для будущих поделок. Лёша предложил мне тоже. Оказалось, у него были небольшие кусочки листочков, он дал мне целую кучу таких с подоконника и показал, как их сворачивать. «Потом... из заготовок я... делаю оригам-ми».

Я начал сворачивать листочки как он показал и пытался ни о чём не думать, насколько было возможно. И мне снова смутно показалось, что стало лучше. Было в таком времяпровождении что-то приятное, – сидеть так на койке и выполнять монотонные действия, в палате еле освещённой светом из коридора, где сидели медсёстры и медбрат и о чём-то временами тихо переговаривались. По крайней мере, я был рад, что в течение ночи меня уже вряд ли потащат к телефону, в туалет или ещё куда.

Мы делали заготовки на протяжении полутора-двух часов. Потом мне, наконец, захотелось спать, я отдал Лёше сделанное и укутался в одеяло.

– Кстати, – сказал мне Никита, – а чего ты мясо не ешь?

– Я вегетарианец. Хотя и не люблю привязывать себя к какой-либо субкультуре, но это выражение, наверное, самое простое для объяснения.

– Почему?

– Что почему?

– Почему вегетарианец?

– Животных жалко.

– Всё равно сейчас настоящего мяса не делают. Только в Белоруссии делают, там Батька за этим следит.

– А в остальном мире не следят?

- Остальной мир хочет нас затравить.
- А наше, российское мясо?
- А все наши фермы принадлежат американцам.
- Тогда чего же мы их не закроем?
- Ты думаешь, так просто всё позакрывать? Надо доказать ещё, что они яд подмешивают. И вообще, если их всех позакрывать, что людям есть останется?
- Белорусское мясо.
- Баткиного на всех не хватит.

II

Ночью, когда я недопросыпался, в полусне слышал, как двери служебных помещений в коридоре периодически открываются и закрываются, поскрипывая, как в игре S.T.A.L.K.E.R.

Я снова провалился в сон, а потом (по ощущениям, рано утром) меня разбудила Мария Геннадьевна и сказала, что нужно сдать анализы. Она дала мне баночку для мочи и отправила в санузел. У меня ничего не получилось, о чём я ей и сказал. «Ну, ладно», – ответила она.

Поймал себя на мысли, что за ночь респеридоновская паника прошла, и осталась только привычная, выедающая мозг тоска и тревога.

Потом в палату зашла та злая медсестра, сверлившая меня взглядом в столовой, и кинув на пол швабру, сказала Лёше: «Мой», и ушла. Он протер полы в нашей палате, потом пошёл в коридор.

- А чего-то это Лёша полы моет? – спросил я.
- Он тут уже два года лежит.
- Два... пиздец. Ладно, и что?
- Он тут уже прижился, поэтому на него скидывают подобную работу.

Я принялся спать дальше и снова где-то заскрипели двери, то ли во сне, то ли наяву.

Проснулся внезапно: к нам забежала уже другая, новая медсестра и что-то стала кричать, из её слов я понял, что скоро придёт проверка или вроде того. Она начала осматривать палату. Сначала забрала листочки с подоконника, из которых мы делали заготовки. Затем посмотрела тумбочку Никиты, а потом сказала нам показать, что под простынями (почему-то тумбочка во всей палате была только у Никиты). Она увидела у Лёши под постелью заготовки для оригами и стала собирать их, чертыхаясь.

– Что вы... сдесь... Антонина Валерьевна... что вы... – мямлил он, чем вызвал истеричный шквал ругани в свой адрес.

Потом стала шарить под матрасами, и под моим она обнаружила биографию композиторов эпохи романтизма, которую я взял с собой из дома, и «конфисковала» её, хотя врач разрешил мне читать эту книгу. Я её и не прятал, просто так было удобнее держать её под рукой. Серёжиного «Шерлока Холмса» она тоже забрала. После этого проверявшие прошли мимо палаты и даже на нас не взглянули.

После того как проверка ушла, нас повели умываться. Когда я набрасывал на лицо воду из ладоней, ко мне подошёл какой-то чел и спросил:

- Ты с какого района?
- С Ленинского.
- Тогда почему у тебя волосы длинные?

Я не ответил, только промыл глаза и пошёл в палату, вытираясь рукавом.

После завтрака нас погнали в туалет. Я не пошёл, потому что не хотел. Когда все вернулись из туалета, Антонина Валерьевна решила пройти по палатам и проверить, все ли сходили. Дойдя до нашей палаты, она задала соответствующий вопрос:

- Сходили?
- Да.

- Да.
- Да.
- Нет, – ответил я.
- Почему?

Я начал ей объяснять, что не хочу, но это её не интересовало. Она погнала меня по коридору, завела в туалет, сама вышла и стала смотреть на меня через круглое окошечко в двери.

Я достал член, потербонькал его, помыл руки да пошёл назад.

- Ты почему в туалет не сходил?
- Не хочу.
- Пошел назад в палату! – крикнула она и толкнула меня в нужном направлении.

Я лежал до самого обеда и, хоть и был дико раздражён, вместе с тем радовался, что меня не трогают.

Возникла проблема – у меня жутко закладывало нос (наверное, из-за лекарств), и я жадно глотал протухший воздух ртом, но кислорода всё равно не хватало. Я долго терпел, но, наконец, собрался, пошёл к Антонине Валерьевне и объяснил ей, что дышу еле-еле и мне не хватает кислорода.

- Капли должен выписать врач.
- Так позовите врача.
- Ты видишь, я занята? – она заполняла бумаги.
- Но я не могу дышать.
- Я пойду ко врачу через час.
- Вы спросите у него по поводу капель?
- Если не забуду.
- Пожалуйста, не забудьте, ладно?
- Посмотрим.

– Может, вы хотя бы откроете окно? – самостоятельно открыть окно было невозможно, потому что отсутствовала ручка.

– Чтобы вас там простудило? Мы открываем окна строго на развлекательную паузу, когда все собираются в общем зале.

Конечно, я бы сам зашёл к врачу и попросил назначить мне капли, но к нему так просто зайти было нельзя: вход в его кабинет находился в отдельной комнатке, дверь в которую отворялась специальным ключом.

На обратном пути донёсся некий свист, и я посмотрел туда, откуда шёл звук, направо, на окно. За окном бушевали метель и пурга, и видно было не так много, я даже не видел, что там за парковкой. Деревья клонило влево, какой-то мужик вышел из здания и побежал к одной из машин, а потом пропал из виду в снежной буре.

Я ждал развлекательной паузы, как крестьянин в период средневековья – второго пришествия. Мы пообедали, традиционно посетили уборную и приняли лекарства. Рisperидон снова дал по башке, но уже не так сильно. Скорее, остались только физические реакции: я был в полусознании, зрение опять упало, слуховое восприятие снизилось, но такой паники как раньше уже не наблюдалось.

Наконец развлекательная пауза наступила. Пришла какая-то другая медсестра с оконной ручкой, вставила её в окно и открыла его для проветривания, нас же повела в зал. К этому времени туда уже всех согнали. На стене работал телевизор. Звук дешевого сериала забил по вискам и отдавался в длинных коридорах мозга. Я попросился назад в палату. Не пустили. Попросился выйти хотя бы в коридор. «По коридорам просто так ходить нельзя».

- Посмотри с нами телевизор, – сказал Никита.
- Там шла какая-то мелодрама. На фоне слезливая фортепианная мелодия.
- Я люблю тебя!
- Ты меня ударил...

– Я не хотел... но ведь ты сама виновата!..

Пока сидел, пытаясь не слушать данное произведение искусства, увидел на подоконнике не-большие origami Лёши, а в левом дальнем углу стояли две большие поделки почти метр в высоту: снеговик и какое-то деревце. Все работы были сделаны из многочисленных маленьких заготовок, какие мы делали вечером. Мне казалось, они каким-то чудом держались вместе, – не понимал, как они соединены.

Потом стал поглядывать на остальных пациентов. С удивлением я обнаружил, что глаза их обращены к телевизору, и они действительно следят за происходящим на экране. Рты у многих были приоткрыты, потому что, видимо, лекарства расслабляют мускулы лица. Затем я понял, что у меня рот так же приоткрыт. Меня трясло от того, что мне не дают отсюда выйти, я почувствовал себя этаким Макмёрфи из «Пролетая над гнездом кукушки», особенно когда представил, что устраиваю бунт и ухожу в свою палату дышать нормальным чистым зимним воздухом, сидя на подоконнике. Но ничего такого не произошло. Я просто сидел тихо, продолжая всматриваться в лица. Я ожидал увидеть в них страдания, боль и красоту. Но по большей части там сидели либо овощи, либо какие-то, судя по их виду и манере держаться, – начинающие криминалы.

Один из таких откуда-то выкрикнул:

– Переключите уже канал!

Кто-то, у кого был пульт, повинувшись, так и сделал. На другом канале шли новости. Дикторша вещала: «Челябинское литературное объединение “Студенческий Парнас” при Южно-Уральском государственном университете признано самым...»

– Переключите!

На следующем канале шёл какой-то боевик. Перестрелка и взрывы ещё сильнее начали давить на сознание. Какой-то другой, опять же, судя по виду, криминал, закричал:

– Верните назад, на «Цветок любви»!

– Нет! – говорил тот, первый.

– Да! Я смотрю этот сериал уже две недели, и мне надо узнать, бросит ли она его наконец!

– Ты что, баба, блять, что ли?

– А НУ ЗАТКНУЛИСЬ ВСЕ! – заорала Антонина Валерьевна, но её просто проигнорировали.

– Ты кого бабой назвал, сучоныйш жирный?

Началась драка. Медбрат быстро подскочил к ним и разнял, а потом уложил первого криминала животом вниз и приказал ему лежать, а второму сказал, чтобы далеко не уходил. С первого он приспустил штаны, и младшая медсестра уже подроспела с двумя шприцами.

– Аминазин, – тихо сказал мне Никита.

Говорить особо не хотелось, возможно, из-за страха вызвать у них недовольство, поэтому я вопросительно свёл брови.

– Нейролептик, они колют звериные дозы, и от него очень фигово. И весь день лежишь овощем, – ни двигаться особо не можешь, ни даже сказать что-то.

Он говорил вполне спокойно, так что я тоже перестал так напрягаться и, хоть и шёпотом, но сказал:

– Если бы медбрата не было, они бы с этим гопником не справились...

– Поэтому медбрат есть всегда.

Потом аминазин вкололи и второму.

После нам разрешили вернуться в свои палаты с уже закрытыми окнами. Лёша выпросил чистые листы и начал аккуратно их разрывать, чтобы потом делать заготовки (о том, чтобы ему, как и любому из нас, дали ножницы, не могло быть и речи).

Новая волна отвратных мыслей, вызывающих острое нервное возбуждение, атаковала меня в двести третий раз за последнюю неделю. Что она там делает? Ебётся со своим новым хахалем? Подобная фигня лезла ко мне в голову часа два, и настолько настойчиво, что я забыл про капли. Уже начало смеркаться. Я решил, что нужно попытаться отвлечься. Сережа снова читал.

– Тебе назад отдали книжку?

– Да.

Я пошёл к Антонине Валерьевне, которая с ухмылкой разговаривала с другой медсестрой:

– Антонина Валерьевна, не могли бы вы дать мне почитать мою книжку?

– У нас запрещено иметь личные вещи, в том числе книги.

– Но врач разрешил мне.

– Я об этом ничего не знаю.

– Так спросите у него.

– Я занята. Какая у тебя палата?

– Четвёртая.

– Ну, четвёртой, я думаю... можно.

Она достала с медицинского шкафа мою книжку и отдала мне.

– А что по поводу капель?

– Я забыла спросить. Иди назад в палату.

Я пришёл и сказал всем:

– Твари ебанные.

– Да, – спокойно подтвердил Никита.

– Что случилось? – спросил Лёша.

– Мне нужны капли для носа. Я не могу дышать, – пожаловавшись, я повторно констатировал принадлежность медперсонала к братьям меньшим.

– То же самое. Уроды, – согласился Серёжа.

– Паша, не сердись. О-о...ни ведь люди, понимаешь? – Я, кажется, онемел тогда от его слов. А он продолжил: – Хочишь, я пойду и попрошу их, чтобы они тебя больше не обижали?

Конечно, я запретил ему.

– А у нас что, какая-то особенная палата? – спросил я. – Она, прежде чем отдать книжку, спросила, какая палата.

– Да. У нас тут лежат самые адекватные. Чем меньше номер палаты, тем более тяжёлые случаи. Первую некоторые вообще именуют «Зверинцем». Так что нам разрешают немного больше, – пояснил Сережа.

– А завтра у нас кто будет? – спросил я.

– Татьяна Александровна, – ответил Никита.

– Тоже тварь, но не такая агрессивная, – подхватил Серёжа.

...

Лёша снова делал заготовки.

– Паша, а чем ты занимаешься, кроме учёбы? – спросил Никита, отвлекая меня от биографии Шопена.

– Пишу музыку и иногда стишки, – в этот момент зашёл медбрат, выключил свет и ушёл.

– А! У меня мачеха тоже что-то пишет, состоит в... как его, ну в этом... Союзе...

– Союзе писателей?

– Да!

– Ясно.

– А мама моя была архитектором. И, хоть и получила хорошее образование, был с ней один примечательный случай, который мне рассказывал папа.

– А можно мне поспать, – спокойно запротестовал Серёжа.

– Да ладно тебе, пусть расскажет, – сказал я, будто семейный медиатор.

В общем, он начал свой рассказ:

«Села она в такси, а там у водителя вся приборная доска в иконках, крест, лики везде висят.

И он начал ей что-то говорить про религию, как вера очищает, а она его перебила и говорит:

– Ой, не надо мне это всё, я в это не верю. Я антихрист.

– Вы заявляете, что вы – дьявол?

– Ну почему сразу дьявол! Если человек антихрист, не обязательно же он сразу дьявол...

– Так может вам в церковь сходить?.. Помолиться...

– Мне туда нельзя – я же антихрист. Да что там делать? Вот пришёл бандит, убил кого-то, а помолится и будто бы всё, чистая душа. И он так раз в неделю. Ну для чего это? Это всё мне не близко, не интересно.

Моя мама была тогда очень ухоженной женщиной в годах, с причёской, красивой одеждой. И говорила всем, что антихрист. Водитель, бедный, наверное, перепугался.

Он ещё немного протестовал, но вскоре замолчал, и так до конца поездки, поглядывая на маму.

Подружка потом часа три объясняла ей разницу между антихристом и атеистом, и почему она всё же второе».

– А что случилось с мамой? – спросил я.

– Она на такси разбилась.

– На том самом?

– Ты что! Там же иконки были. На другом.

III

Наутро Никита меня разбудил и сказал, что скоро завтрак (приехала машина с едой, и было слышно, как она тархтит). Уже пришла новая смена медсестёр и медбрата.

Еду разгружали как-то долго, поэтому завтракать мы пошли через минут двадцать. Еда, как и во все прошлые разы, была почти непереносимая, но хотя бы без мяса, которое мне бы пришлось отделять.

Потом дали лекарства.

Потом пришла психологиня для беседы со мной. Нас отвели в служебную комнату рядом с палатой, а Лёша опять домывал полы напротив и, кажется, даже был рад быть полезным. Психологиня была тоненькой и худой женщиной лет тридцати.

– Что у тебя произошло? – спросила она.

– Так хотите знать?

– Для того я и здесь.

Я начал свой рассказ, который, кажется, репетировал много раз, а может и не репетировал никогда.

«Я помню, как сказал ей, чтобы она бросила меня, потому что я урод, психический урод, изломанный и задушенный. Потому что я не смогу сделать её счастливой. Потому что я говно, а не человек. Она начала расспрашивать, “что случилось” и всё такое. Мы пошли в ванную, чтобы включить воду, – звук воды меня успокаивает.

Я включил свет и зашёл первым. Она остановилась перед входом и сказала:

– Сейчас, подожди секунду.

– Ладно, – ответил я, включил воду и сел на пол. Она ушла в коридор, где лежал её портфель, и вернулась, держа в руке какой-то предмет. Она выключила свет и закрыла дверь, так что стало совершенно темно.

Я спрашиваю: “Что ты делаешь?”

Она потрясла что-то, и это что-то загорелось тёплым светом, – маленькая электрическая лампочка в кубе ледяного цвета, имитирующая свечку; верхней грани не было, так что можно было достать эту лампочку, чтобы, наверное, поменять батарейки.

– Мой ночник, – сказала она, ставя его на пол. – Он у меня с самого детства. Я привезла его, чтобы он был у тебя всегда и ты вспоминал обо мне.

– Брось меня, пока не поздно.

– Слушай меня, дурачок, – её тон из заботливого стал вполне серьезным, – я тебя никогда не брошу. Я люблю тебя и никогда, никогда в жизни я тебя не брошу и никому не отдам.

– Что бы я ни сделал?

– Что бы ты ни сделал.

– Ты обещаешь?

– Да. Даже если ты будешь изменять мне каждую неделю, я всегда буду прощать тебя.

Я заплакал ещё сильнее. Свет ночника расплывался в моих слезах в какие-то причудливые формы и не освещал почти ничего: во всей темноте существовали лишь ночник, несколько сантиметров кафеля, и только я, и только она. Мы сидели там ещё какое-то время в тишине, и моя голова лежала на её плече. Когда я встал, её футболка была мокрой от моих слёз.

Где ночник – я уже точно не помню. То ли я отдал его ей назад, то ли выбросил в порыве ярости. Скорее всего последнее».

А психологиня начала говорить что-то совершенно другое, будто и не слушала меня:

– Вижу у тебя на запястьях порезы.

– Они старые.

– Вот ты пытался себя убить, а если бы убил, что бы твоя мама сделала?

Я слабо пожал плечами.

– Наверное, она бы пошла в магазин, купила печенья, потом попила дома чаю, да?

– Наверное, нет.

– Я работаю в (место работы). Беру не всех, но тебя возьму. Можешь приходить, когда выйдешь отсюда.

– А когда я выйду?

– Не знаю.

Зашёл врач, которого я не видел с самого поступления, и начал искать в шкафу какие-то бумаги. Она говорила ещё что-то, но я уже падал в обморок.

Мириады маленьких треугольников, квадратов, прямых и изогнутых линий, проявлявшихся в строгой симметрии, сверкали в голове. Вдалеке кто-то закричал: «Спротивляйся, сопротивляйся!» Как я потом узнал, кричал врач, давивший на мой затылок. Я, сам того не осознавая, подчинился и начал выпрямлять голову вопреки его давлению. Кровь вернулась к мозгу, я вынырнул из закоулков сознания.

Я уже лежал на своей кровати, когда младшая медсестра, принёсшая мне вату, пропитанную нашатырным спиртом, сказала: «Будешь есть мясо, иначе будешь постоянно падать». Посмотрим, посмотрим. Так я и сказал, но она видимо, даже не разобрала слов, но добавила, чтобы я привыкал, потому что раньше чем через полгода я отсюда не выйду. Её слова, конечно, меня взволновали (я не собирался проводить тут полгода), но всё-таки я не придал им какого-то особого значения, потому что мне уже приходилось сталкиваться с мелкими тиранами, несущими что попало, причём выходящее за рамки их компетенций.

Когда немного очухался, но всё ещё лежал обессиленный, ко мне подошла другая медсестра, и почему-то мне показалось, что она и есть Татьяна Александровна, о которой говорили Серёжа и Никита. Потому что выглядела как Татьяна, к тому же как Александровна. Она спросила: «А ты случайно не слышишь голос бога?» Я ответил, что не слышу. Она ушла. До сих пор так и не понял, что это было.

Снова отправившись в сказочно-прекрасную страну под названием «небытие», проснулся только после обеда.

– Тебе там еду оставили, – сказал Сергей, продолжавший читать «Шерлока Холмса».

– Какой раз ты уже своего дедуктивщика перечитываешь? – спросил Никита Серёжу.

– Пятый.

– Зачем? – спросил я.

– Так читать больше нечего.

– А чего тебе родители не привезут?

– Они в Париже живут, и у них даже машины нет. Как они мне привезут?

– В Париже?! – ужасу моему не было предела.

– Ты давай людей в заблуждение не вводи, рассказывай до конца, парижанин, – сказал Никита.

– Я не ввожу. Живём мы в Париже, село такое есть на краю Челябинской области. За триста километров отсюда. Названо в честь взятия Парижа в 1814-м.

– И что там, в Париже? – спросил я.

– Париж. И Эйфелева башня. Только маленькая. Вышка сотовой связи такая.

– А если у вас машины нет, как ты досюда доехал?

– Знакомые отвезли до Магнитогорска, потом на поезде.

– А там нет больницы?

– Мест не было.

– Я вообще три дня провалялся в наркологии в Златоусте, пока они мне здесь место не нашли, – похвастался Никита.

Мне стало жалко бедного «парижанина»:

– Ну, возьми хотя бы мою книжку. Не знаю, интересно ли тебе будет? Биография композиторов эпохи романтизма.

– Нет, спасибо.

Ну и хер с тобой, подумал я.

– Да он уже зависим от этой книжки. Её надо запретить.

– Это ещё зачем? – возмутился Серёжа.

– Там главный герой – наркоман. А если эту книжку ребёнок прочитает?

– Запрети себе говорить с двенадцати ночи до нуля ноль-ноль, – ответил Серёжа.

Я пошёл в столовую и обнаружил там оставленный мне остывший суп. Окно в столовой было такое же большое и довольно приподнятое от пола, как окна в палатах, поэтому со своего третьего этажа я не видел особо, что там было на земле, но видел оголённые ветки дерева, напоминавшие нервные окончания. За окном медленно-медленно шёл снег, но он далеко меня не успокаивал, нет. В нём была какая-то тоска, и падал он так медленно будто именно от осознания того, что обречён закончиться и в конце концов растаять. Я чудом съел мерзкий суп и вздохнул.

Вернувшись, снова ощутил тоску, – едкую, горькую, суицидальную. Нет, не из-за таблеток. Пришла моя привычная, родная тоска, но почему-то особенно жестокая ко мне. Кровать по привычке скрипнула, когда я сел на краюшек и положил склонённую голову на руки.

– Что... плохо? – промямлил Лёша.

– Да.

– Что случилось?

– Я всё просрал. Я не умею любить, не умею быть любимым.

– Проблемы с... девушкой?

– Ага.

Я заревел и пошёл к посту медсестры.

– Что? – спросила она.

– Дайте мне что-нибудь. Немедленно. Дайте мне что-нибудь. Я сейчас сдохну.

– Мы даём тебе лекарства.

– Они не помогают.

– Должны помогать.

– Не помогают.

– Я не могу ничего дать тебе без разрешения врача.

– Позовите врача.

– Он сейчас занят. Иди в палату и успокойся.

Трясаясь, я забился в угол кровати, а она всё скрипела и скрипела от каждого моего движения, и я старался не двигаться.

...

Меня повели к другому психологу в другой корпус. В подсобке дали валенки на пару размеров больше чем надо, и какую-то бомжатскую дублёнку или куртку. Я в одежде не разбираюсь, не знаю, блин. Свежий зимний воздух немного взбодрил меня. Холодно тогда не было, хотя обычно стояли холодные дни и даже в палате я иногда замерзал. Психолог уже работал с кем-то другим, поэтому я ждал в коридоре со своей медсестрой и медсестрой того пациента. Когда он – маленький мальчик с умершими глазками – вышел, завели меня.

Сначала были тесты на память. Потом дали рассортировать картинки. Потом опять что-то на память или ассоциации. Потом надо было по порядку называть цифры на листе, расположенные вразброс. В конце он выдал несколько опросников и сказал заполнить их в палате.

В палате я обнаружил, что в некоторых опросниках больше двухсот вопросов. На их заполнение ушло часа два, если не больше.

Вопросы, а точнее утверждения, с которыми нужно было согласиться или не согласиться в определённой степени, были такого типа:

Я предпочитаю быть дома вместо того, чтобы проводить время в шумной компании (абсолютно верно). Иногда среди людей у меня появляются боли в животе (абсолютно верно). Я в целом жизнерадостный человек (абсолютно неверно). Я люблю проводить время со своими родными (скорее неверно). Я часто чувствую усталость, ещё не приступив к работе (абсолютно верно). Я люблю гулять один на природе (затрудняюсь ответить). И так далее.

...

Не помню, да и не хочу помнить, как прошёл оставшийся день.

Но помню, поздним вечером Никита завел какую-то странную шарманку:

– А вы знаете, что я придумал вечный двигатель?

– Нет, дай поспать, – устало попросил Серёжа.

– Хорошо, хорошо, только дайте мне рассказать.

– Тогда рассказывай уже быстрее, – пробурчал Серёжа.

– Знаете, как из крана падает капля? Когда она типа тянется к поверхности.

...

– Знаете?

– Ну.

– Так вот, эту энергию можно перерабатывать, например, в электричество.

– Ага.

– Как? – спросил Лёша.

– Ну, блин, зачем ты спросил-то? – досадно сказал Серёжа.

– Изфини.

– Не знаю как. Вообще, ты задал вопрос третьестепенной важности. Главное, что источник нескончаемой энергии наконец-то найден.

Серёжа издал негромкий смешок.

– Смейся, смейся, – говорит Никита, – над Эйнштейном тоже смеялись.

– Да никто над ним не смеялся.

– Смеялся.

– Нет.

– Почитай его биографию, если не знаешь.

– Хорошо, я обязательно прочитаю. А теперь дай поспать.

IV

У нас снова была смена Антонины Валерьевны. После завтрака я вспомнил, что родители обещали приехать в этот день, потому что это был приёмный день, когда в приёмной комнатке (именно в той, через которую можно пройти к врачу) родственники встречались с пациентами и передавали им разрешённую еду вроде конфет, вафель и всего такого, и которую потом медсёстры выдавали во время ужина.

Меня опять обули в огромные валенки, снова дали дублёнку/куртку и повели на ЭЭГ. Была очередь: передо мной привели несколько человек из другого отделения. Затем мои и без того сальные, похожие на прутья волосы обмазали специальным гелем, присоединили датчики, а на стене напротив замигал свет разными ритмами.

Я вернулся в отделение, время тянулось мучительно долго, но, к счастью, мне удалось задремать.

Незадолго до обеда я проснулся и услышал женский голос, доносящийся откуда-то из коридора:

– Александр Невский воевал и с монголо-татарами, и со шведами. Вести две войны сразу было крайне сложно, поэтому он заключил мир с одной из сторон. Как вы думаете, с какой?

Несколько голосов сразу начали что-то отвечать. И несмотря на то, что им, видимо из-за боёчек, было тяжело говорить, в них слышалась даже некоторая заинтересованность.

– Он заключил мир с монголо-татарами. А знаете почему?

Голоса снова что-то забуркали.

– Потому что шведы хотели навязать нам католичество, а монголо-татары не вмешивались в религиозные дела захваченных территорий. А Русь была православной, и вера для неё была самым важным. Запомните: Русь – это православие!

– Господи...

– Что? – спросил Никита, как всегда готовый ответить на любой мой вопрос.

– Чего там происходит?

– Урок истории.

– Истории?

– Да, для тех, кто лежит тут очень долго и не может посещать школу.

Наконец, после обеда, начались приёмные часы, и пациентов стали водить в комнатку по двое. Когда дошла очередь до меня, и я, наконец, увидел родителей, то холодно с ними поздоровался, хотя не так отстранённо, как обычно.

– Привет, – поздоровался папа.

– Привет, сынок, – сказала мама.

– Да... Заберите меня отсюда как можно скорее.

– Хорошо, – так просто, будто это совершенно никакая не проблема, сказал папа.

– И ещё мне нужно, чтобы врач назначил капли и разрешил мне не смотреть телевизор.

– Пойдем, скажешь ему обо всём, что нужно, – его голос был так спокоен, что мне тоже стало немножко спокойнее.

Он постучал и открыл дверь:

– Андрей Альбертович, здравствуйте. Можно?

– Да, заходите.

– Павла беспокоят некоторые вещи.

– Да. Пусть рассказывает.

Папа вошёл, я за ним. Мы сели на небольшую скамейку.

Кабинет Андрея Альбертовича состоял из двух не очень больших комнат. В конце первой комнаты было окно, рядом стоял его основной стол, за которым он работал, сидя спиной к окну. Рядом со входом, слева стоял ещё один стол для приходящих врачей из других отделений, на данный момент пустующий. Справа у стены была мягкая скамейка, на которую мы и сели. Далее по правой стороне находился вход во вторую комнату. В ней я заметил компьютер и окно.

Сам же Андрей Альбертович был полностью седой, но не такой уж старый. Может, лет шестьдесят. Высокий, худощавый, с хорошей осанкой. Глаза не то чтобы безучастные, но и не слишком заинтересованные.

– Ну?

– У меня очень закладывает нос, но капли мне не дают.

– Хорошо, я внесу капли в перечень твоих лекарств. Только у нас обычный аквалор, но, – сказал он, обращаясь уже к папе, – вы можете купить ему что-нибудь получше и привезти нам.

– Купим.

– И можно мне не смотреть телевизор?

– А что ты тогда будешь делать?

– В коридоре погуляю.

– Ладно.

Я выдохнул.

– И ещё... медсёстры хотят, чтобы я ел мясо, – продолжил я.

– Я же им сказал... чёрт... Хорошо, я поговорю с ними; по-другому, – он сделал акцент на «по-другому». – Кстати, твои длинные волосы надо обрезать.

Папа полушутя выкатил глаза и посмотрел на меня с некоторым ужасом. Хоть он и не любил мою причёску, а точнее полное отсутствие какой-либо причёски, он, видимо, уже не мог помыслить меня без длинных волос.

– Зачем? – спросил он, переводя взгляд на врача.

– Чтобы вши не завелись.

– А можно не надо? – сказал я.

– Хм... – он задумался, будто я поставил перед ним неразрешимую задачу. – Ладно, – вдруг очень просто и легко сказал он, – может быть в этом и нет острой необходимости, но тогда тебе нужно будет помыться.

– Я-то не против, но ведь мыться можно только по понедельникам.

– Я скажу, чтобы тебе разрешили.

– А когда Павлу можно будет ехать домой? Может мы могли бы лечиться на дому?

– Вообще, ему надо где-то месяц полежать.

(Месяц?! Дед, ты с дуба рухнул?)

– Мне здесь тяжело, – сказал я.

– Мы могли бы приезжать сюда столько, сколько нужно, хоть каждый день, – предложил папа.

– В любом случае, сначала надо дождаться результатов обследования. Если у него шизофрения, как заявил ваш первый психиатр, то исключено. Если её нет, тогда можно будет подумать.

– Когда результаты обследований будут готовы? – спросил папа.

– Завтра утром я их посмотрю.

Я попросил папу оставить нас с врачом наедине. После того, как дверь скрипнула дважды, – сначала когда папа открывал её, затем когда закрывал, я сказал Андрею Альбертовичу, что мне фигово, пытаюсь расписывать в самых живых красках, впрочем, как это и было на самом деле.

– Ну... ну... давай повысим тебе до сотки.

– Чего до сотки?

– Феварин. Антидепрессант. А спишь хорошо?

– Не очень.

– Странно. Он должен оказывать противотревожное и снотворное действие.

– А не могли бы Вы назначить мне транквилизаторы?

– Нет.

– Почему?

– Они вызывают зависимость.

– Но ведь только если пить очень много.

– Мы не выписываем такие препараты, – сказал он, и я потерял надежду на оказание мне нормальной помощи.

– Тогда отпустите меня домой поскорее.

– Я же сказал, посмотрим.

Потом он пошёл со мной к посту медсестёр, написал что-то в какой-то бумажке, и мне дали закапать капли, которые почти не помогли.

Во время развлекательной паузы я ходил в полном одиночестве по коридору из стороны в сторону и думал. Обо всём том, что произошло. Меня бесило, что я не могу позвонить ей. И в то же время где-то в глубине души я был благодарен сложившимся обстоятельствам, потому что хотел её вычеркнуть, забыть. Что было невозможно, – понимал я тогда. Снова, в тысячный раз. Я не видел иного выхода, кроме как суициднуться, поэтому я ждал, когда меня отпустят, и я смогу выпилиться, пока родители будут в храме, магазине или ещё где. Поэтому молился (да, молился), чтобы меня выпустили поскорее.

И почти незаметно я улыбнулся сам себе: какой я был идиот, что лёг сюда по своему желанию! А как был рад, что мама однокурсница – психиатр – выписала мне направление, заподозрив у меня шизофрению, после чего моя мама на неё как бы обиделась. Я думал, что мне помогут, а здесь никто никому не нужен, как и там, «на свободе».

Солнце, приглушённое тучами, глядело пустым и рассеянным взглядом сквозь решетку и стекло (хоть и третий этаж, но решетку ставили, чтобы никто не выпрыгнул). И мне казалось, что оно готово было взорваться, лишь бы что-то уже произошло, лишь бы звёздный ветер колыхнул космическую пыль. Так скучно там этой звезде. Смотрел на него, радовался, что тучи его заволокли, и не хотел соглашаться с общепринятым мнением: мол, Солнце – это круто. Да, оно даёт нам тепло и витамин D, и мы вроде как должны быть ему благодарны, но можно взглянуть на ситуацию и с другой стороны. В значительной степени именно оно повинно в формировании жизни на Земле, а значит оно у нас в неоплатном долгу за все те несчастья, которые мы переносим. И вообще, немного философии: когда эта тупая звезда восходит, человек обычно просыпается и начинают его страдания; когда заходит, становится сразу и спокойнее, и проще жить. Именно поэтому дома я предпочитал спать утром и днём, а жить вечером и ночью. Если бы не школа, а в данный момент дурка, – перешёл бы на такой график полностью. Даже медсёстры, по моим скромным наблюдениям, становятся спокойнее вечером, – это что-нибудь да значит. В конце концов, вот вам неоспоримый факт: Солнце толстое, даже жирное, и даже противное.

Внезапно в зале что-то произошло.

– Зачем?! Зачем?! Кто это сделал? Кто?! – я пошёл посмотреть, что там происходит.

– ТИХО, УСПОКОЙСЯ! – кричала медсестра на Лёшу, который метался по залу.

Он был в ужасе. Его пытались успокоить, а телевизор всё гремел:

– Я не выйду за тебя! Я сделаю аборт!

– Ты убьёшь нашего мальчика?!

– ААААА (он её бьёт)...

Все сидели и смотрели на него, а он бегал из стороны в сторону. Сначала я не совсем понял, что происходит. Я подошёл поближе и увидел, что часть снеговика сломана, – примерно из груди были как бы вырваны заготовки.

– Зачем вы так сделали?! – кричал он на сидящих, а его дикция от гнева стала намного лучше, почти нормальная, правда ненадолго.

Мимо меня прошёл медбрат, держащий в руке шприц. Он заломил Лёшу в лежачее положение и вколол аминазин. Лёшу повели в палату.

– Всё, хватит с вас развлечений, – сказала Антонина Валерьевна и выключила телевизор.

Все медленно начали расходиться. С характерным скрипом они ложились на свои койки, а я стоял и смотрел на Лёшу. Лёша лежал, еле шевелясь. Его рука очень медленно ползла по покрывалу, при этом будто пытаясь ухватить что-то ускользающее от него. Из его рта на покрывало медленно выливалась слюна (лежал он на самом краю подушки).

– Капец какой-то, – сказал я, но никто больше ничего не сказал. Серёжа продолжил читать «Шерлока Холмса».

Лёша в тот день больше не вставал.

Вечером ко мне подошла Антонина Валерьевна:

– Врач сказал, что тебе нужно помыться. Тебе сейчас было бы удобно?

Я немного встал ступор от её внезапной вежливости.

– Да, конечно.

– Тогда пойдем, я открою тебе душевую.

Называли комнату душевой, а я, к удивлению, увидел две обычные ванны. Очень не хотел мыться (расценивал данное занятие бессмысленным), но выхода особо не было. С волосами я расставаться не хотел, потому что они ей нравились. Помылся остатками какого-то шампуня и мылом. Потом пошёл к Антонине Валерьевне, чтобы сообщить ей, что закончил.

– Не хочешь воспользоваться ушными палочками? – спросила она без какой-либо иронии.

– Нет, спасибо, – сказал я хоть и понимая причины её вежливости, но всё ещё удивляясь ей, и мысленно поправил: не «ушными палочками», а «ватными».

...

За ужином я съел выданные конфеты, которые привезли мне родители. Точнее, меня на всё не хватило, поэтому я поделился с Серёжей, Никитой и ещё какими-то пацанами, которые сидели с нами.

Ночью Никита, не давая нам уснуть, несколько часов рассказывал, что на нашу вселенную надвигается огромная звезда, – гигантский пылающий шар. Есть лишь один способ выжить: построить сверхбыстрые космические корабли, чтобы покинуть вселенную. Их двигатели непременно должны работать на специальном, пока малоизученном топливе, источники которого недавно обнаружены под пирамидой Хеопса. У этого топлива нет еще даже названия, и факт его существования пока скрывается от общественности. Если двигатели будут работать на другом топливе, то нужную скорость развить не удастся, и нас всех настигнет разрывающий пространство огонь.

V

Потом, когда я смог уснуть, просыпаясь ночью понял, что уже привыкаю к снадающей тишине, перемежаемой скрипами каких-то дверей и источающей нечто психотическое и даже безумное, похожее на душевный, если я могу позволить себе такую вольность подбора лексической единицы, сумрак. Привыкаю к облегчению, когда понимаешь, что всё ещё ночь и трогать тебя не будут. Привыкаю к досаде от того, что наступит следующее утро и нужно будет опять есть, идти в туалет и принимать лекарства, и даже привыкаю к тому, что придётся слушать болтовню Никиты.

Проснувшись, увидел, как полуживой Лёша помыл полы и пошёл к своей койке. В этот момент Никита вставал с кровати, и из-под его постели выпала заготовка для оригами. Лёша оставался, тупо смотря в неё (именно в неё, а не на неё, не нужно меня поправлять). Потом он подошёл и поднял покрывало, где и увидел кучу этих бумажек. Никита стоял, как вкопанный.

– Зачем ты... эта?.. – спросил Лёша.

– Я хотел тоже что-то сделать. Что-то своё, – сказал Никита, который пытался скрыть свой стыд (мол, ничего такого не сделал), но совершенно неудачно, поскольку голос его дрогнул.

– Мог бы сказать мне, я бы тебе памох... сделать, – без какого-либо яда в голосе и почти без обиды сказал Лёша, а произнёс он именно «памох» не из-за какого-то диалекта, а из-за общей аминазиновой слабости.

Он лёг на свою кровать. Серёжа, который сначала отвлёкся на них, продолжил читать, сохраняя безучастный вид. Никита снова лёг и смотрел в потолок. Все мы пребывали в странном, гнетущем молчании.

...

Это была пятница, то есть обходной день (врач выходил к пациентам только раз в неделю). Андрей Альбертович начал обход с нашей палаты, потому что она была к нему ближе всего. Сначала подошёл к Никите:

- Есть жалобы?
- Да, выпустите меня уже.
- Нет. Ты что дома у себя устроил? Забыл?
- Ну, сломал я пару вещей, и что?
- Мама твоя мне по-другому всё обрисовала.
- Она не мама.
- Ну, ладно, ладно. Понаблюдаю ещё тебя. Если будешь спокойно вести себя – выйдешь быстрее.

– Я и так спокойно себя веду.

– Побочки всё ещё есть?

– Уже прошли.

Потом он тоже задал какие-то стандартные вопросы Серёже.

– Андрей Аль... Альбертович... а... а вы меня отпустите на Нофый год? – спросил Лёша, когда врач подошёл к нему.

– Да, мы с твоими родителями уже всё обговорили.

– Спасибо! А долго мне ещё здесь лежать?

– Думаю, месяц-полтора, не больше. Хватит с тебя. Как дела?

– Нармольна.

– Самочувствие?

– Нормольно.

Потом наступила моя очередь.

– Ну что?

– Плохо, – апатично ответил я.

– Всё о барышне думаешь?

– Да.

– Собирайся. В обед приедут родители и тебя заберут. Будешь приезжать сюда периодически, пока тебя не выпишем.

И во мне всё перевернулось, вспыхнуло и разгорелось. Я снова мог жить. Да, жить, как моральный, психический урод, доставать её своими бесконечными претензиями, вспышками гнева и апатии; да, жить, убегая от себя самого, от страха и собственной ничтожности; но всё-таки жить. Конечно, жить я и не собирался, но сама возможность жизни, обрётённая так внезапно, согревала меня. Только вот не знаю, зачем Андрей Альбертович сказал «собирайся». Собирать-то мне было нечего.

...

– Пока, – сказал я всем в палате, пытаясь оглядеть их максимально дружелюбным и теплым взглядом, даже Никиту.

– Подожди, – промямлил Лёша и полез куда-то за кровать. – Это тебе, – и он протянул мне совсем небольшой ночник из бумаги, удивительно схожий с тем, что дарила мне она. – Изфини, я случайно услышал твой рассказ психологу.

– Спасибо... Правда. Спасибо, – я сдерживал слёзы.

Он улыбнулся. Вопреки всему он сохранил способность улыбаться. Вопреки издёвкам, вопреки двум годам нахождения в этом дерьме. Да, он улыбнулся, казалось бы – пустяки. Но ведь мы, обычные, рационально мыслящие люди подобных пустяков в жизни совершить никак не можем. Мы улыбаемся, только когда нам хорошо. А зря.

Кто бы мог подумать, что среди облезлой штукатурки, в запахе больничных растворов, среди насильников, садистов, и прочих полоумных, может находиться такой бесконечно наивный ре-

бёнок, да – именно совсем ребёнок. Расположение добра в самом сердце безразличия и холода вызывает в моём сознании что-то вроде температурного контраста, как это случается в слоях воздуха и называется бурей. Такой человек важнее для мира, чем Тесла, Кант и Бах, хоть о нем никто и не знает. Другие этого не видят, не понимают, а я знаю, что если есть такой человек, то, может, мир не так уж обречен.

Родители привезли мне мою одежду, я переоделся в комнате для свиданий.

Мы зашли к Андрею Альбертовичу.

– Какой Ваш предварительный диагноз? – спросил папа.

– Я бы поставил ему психопатию, – сказал он, – но так как ему ещё только семнадцать, я не могу этого сделать. Буду думать, что ему в итоге поставить.

– Долбаный придурок, – сказал я уже в машине, – назвал меня грёбаным психопатом. А то что я реву в подушку каждую вторую ночь – плевать.

– Да он не смыслит ни хрена в подростковых случаях, – сказал папа, поворачивая на улицу Доватора. – Я с ним разговаривал, он всю жизнь проработал со взрослыми, с алкоголиками и прошёл небольшой курс, чтобы получить это место. Так что забудь, что он сказал. Мы найдём тебе нормальную больницу. Если надо, поедem за границу, – случайно зарифмовал он.

(Если доживу, подумал я.)

Приехав домой, бросился к телефону и увидел несколько пропущенных звонков от неё. Перезвонил. Она ответила.

– Привет. На работе?

– Да, но говорить могу.

– Ты звонила.

– Да. Никита сказал, что ты болеешь, в школу не ходишь.

Никитой звали её хахаля и по совместительству моего одноклассника, которого я был бы не против убить, в связи с чем очень полюбил песню «Порвали мечту» Агаты Кристи (кто-то сказал, что имена персонажей не должны начинаться на одну и ту же букву, чтобы читатель не путался (а тут одно и то же имя), но мне плевать). На самом деле они, конечно, подумали, что я выпилился. И правильно подумали, потому что я бы так и поступил, если бы дома не было мамы на постоянной основе (почему-то именно в те дни и ночи моей тоски она совершенно не выходила из дома, даже за продуктами, – они как-то не заканчивались).

– Я в больнице лежал.

– Что?! Что случилось? – её голос сразу стал резким и взволнованным, что было очень приятно.

– В психиатрической. У меня подозревали шизофрению. Но она не подтвердилась, – я не стал ей говорить, что лёг только из-за неё, это было бы за гранью.

– Я уже хотела сказать: «Добро пожаловать в клуб», – у неё была шизофрения, по крайней мере, она так считала в связи с тем, что нередко испытывала слуховые и зрительные галлюцинации.

– Я люблю тебя, – сказал я.

Молчание. Я всё ещё не привык к этому молчанию.

– Давай вечером после работы встретимся? – сказал я.

– Зачем?

– Я заберу у тебя свои вещи.

– Ладно.

– Как у тебя дела?

– Я недавно посчитала, сколько денег я потратила на алкоголь за последние три месяца.

– И?

– Сорок тысяч.

– Понятно.

- Мне пора идти работать, – работала она, кстати, как ни иронично, в МАВТе.
- Хорошо. Пока. Я люблю тебя.
- Пока.

Я лежал, потому что сил сидеть не было. И всё же, когда папа зашёл и спросил, не нужно ли мне чего-нибудь, я попросил его отвезти меня в музыкалку, потому что у меня как раз скоро начиналось занятие.

С трудом поднявшись на второй этаж, я постучался в кабинет и зашёл. Преподаватель уже отчитывала свою ученицу за лень и ставила ей двойку в дневник. Когда она ушла, мы завели разговор, и я рассказал всё, что случилось, и сообщил, что в будущем меня не ждёт ничего хорошего, намекая на то, что пора со всем кончать; она молча выслушала меня и сказала:

– Ты излишне предусмотрителен и совершенно не готов быть счастливым, ты готов быть несчастным.

Ей было лет 75, но сохранилась она хорошо. Она была бойким, чутким и добрейшим человеком.

Мы ещё долго разговаривали. Я поплакал. Она тоже поплакала, рассказывая какую-то грустную историю о своей дочери, которую я забыл.

– Ладно, хватит, – сказала она после недолгого молчания. – Сыграй мне разок напоследок, перед каникулами.

Я достал из футляра скрипку и начал играть малоизвестное произведение, которое мы разбирали (благо она разрешала мне самому выбирать, что играть), – Sequenza VIII Лучано Беріо. Вообще, в этом цикле я больше ценил Sequenza III для сопрано, а что касается его остального творчества, то я всегда любил его эксперименты с электронными инструментами. Я играл около пяти минут, прежде чем она меня остановила и закричала:

- Гад ты эдакий! Гад!
- Что такое? – спросил я даже несколько растерявшись.
- Какого... Чуть плохое слово не сказала. Какого лешего ты меня весь месяц терроризировал своими скрипом?! А ведь можешь!
- Да я даже не тренировался.
- Не верю.
- Я ведь в больнице лежал.
- Значит, там тренировался.
- Это же тюрьма, а не курорт.
- Ладно уж... – добродушно подытожила она, – но ты опять торопишься на пятой странице, вот тут (она показала мне пассаж, который идёт перед тем разделом, где темп меняется на 144). Давай ещё раз. Теперь идеально.
- Хорошо.

...

Я проснулся в салоне маршрутки на сиденье у окна. Стекло разрисовал мороз. Я рванул к двери, хотел выйти, но дверь была закрыта. За окнами стояла заправка, и гастарбайтер шёл от кассы к маршрутке. Сев на водительское место он спросил:

- Уснул, что ли?
- Мы где?
- Какую остановку надо было?
- Конечную.
- В ту сторону, – показывая назад, сказал он и открыл раздвижную дверь.
- И сколько до неё?
- Три минуты.

Я пошёл в указанном направлении, а он поехал дальше.

Уже стемнело, был поздний вечер. Падал медленный снег. У меня был пропущенный от папы, но я не спешил перезванивать. И так и сяду гадать, что я ушёл куда-то «ночью» (любой вечер он называл ночью) и не возвращаюсь целых полчаса. Он меня совсем под замок хотел посадить, мол, и болеешь, и врача подставляешь, который по доброте душевной отпустил тебя, хотя ты и числишься в больнице. Но я позвонил Андрею Альбертовичу, и он сказал, что всё нормально и я могу идти на все четыре стороны. В голову полезли мысли вроде «как ты собираешься возвращаться домой, если маршрутки либо скоро перестанут ходить, либо уже не ходят», но я их прогнал, хотя избавляться от негативных мыслей – точно не мой конёк.

Потом вышел на заснеженный пустырь и огляделся. Рядом с пустырём начали стройку ещё какого-то дома близ недавних построек. Вспомнил, как в одну из наших первых встреч с ней мы гуляли здесь же, и тут строили ещё первые дома этого комплекса. Она сказала, что один из огней на стройке особенно красивый. А теперь она снимала здесь квартиру.

Время ещё оставалось, я медленно прогулялся по окрестностям, сходил к мусорке и выбросил ночник, подаренный Лёшей и успевший измяться в моей сумке. Прогулялся ещё, затем увидел её. Она попросила сфотографировать её для ВК, ей нужна была нормальная фотка, потому что она хотела устроиться в тату-салон, а там требовалась приличная страница в ВК для работы с клиентами.

– Ты знала, что у нас в области есть Париж?

– Конечно.

Мы нашли место во дворе, где свет падал на неё более или менее удачно. Она была в пальто, шапки на ней, как всегда, не было; красная помада не сильно, а именно в нужной степени выделялась в тёплом свете фонаря. Я, кажется, никогда ещё не видел её такой красивой. Сделал несколько кадров, отправил их ей и сразу удалил из своей «галереи». Это были очень хорошие фотографии. Мы сели, и она заплакала. Я склонил её голову себе на плечо и стал гладить её волосы.

Потом мы пошли до её подъезда и обнялись.

– Послушай... – пробормотал я, отойдя от неё на пару небольших шагов, и не знал, как продолжить, что сказать; должны же быть какие-то слова, которые бы всё исправили, вернули всё на свои места? Я должен был их найти.

– Паша, – сказала она, прежде чем уйти, – не будет больше ничего.

– Чего больше не будет? Хочу услышать список. Весь.

– Ни встреч утром, ни разговоров по телефону перед сном, ни фильмов (то есть фильмы будут, но не вместе с нами), ни твоих побегов из дома, ни обсуждения грандиозных планов на будущее...

– И всё?

– Остальное подумаешь сам. Может, когда будешь писать об этом.

– Я не хочу, чтобы всё так кончалось... я не смогу.

– Мы уже говорили на эту тему. Не раз. Не десять раз... Гораздо больше, чем хотелось бы.

– Мне кажется, меня разъедает радиация. Знаешь... когда человек...

– Перестань.

– Когда человек облучается, и на него набрасывается эта смертоносная штука, а он и не чувствует поначалу. И вот я чувствую. Уже какое-то время.

– Перестань.

– Тебе нет до этого дела, да?

– Я не знаю. Наверное, нет. Твоя радиация... она пройдёт.

– Когда ты решила, что всё должно закончиться?

– Ты сам за меня всё решил. Своими действиями.

Я хотел сказать что-нибудь другое, что отвлекло бы нас от этого, но я не мог ничего придумать и задыхался. Хотел уже просто сказать «блять», но не сказал и «блять», и просто смотрел куда-то сквозь неё, потом на неё, потом снова сквозь, и так много раз. Она продолжила:

– Два года мы мучили друг друга... Мне казалось, что намного дольше. Хватит.

– Я не хочу, чтобы ты уходила.

– Но я уйду.

– Почему? – спросил я, просто чтобы задержаться и ещё посмотреть на неё (и сквозь неё).

– Всё это было ненормально. И если я не уйду, ненормальность эта будет проникать в нас дальше. Как метастазы. Я не хочу больше ни твоих криков, ни... всего остального.

– Прости.

– Я знаю, ты тоже хотел, чтоб мы были счастливы. Всего лишь быть счастливыми людьми, – когда-то мне казалось это чем-то пустяковым и почти совершённым... – она вздохнула от усталости и немного от злости. – Меня переполняла радость, когда я видела тебя, как... какой-нибудь заключённый видит Солнце в своём решетчатом окошке; но с ней же, с радостью, на меня находил страх. Боязнь очередной ссоры из-за тупого пустяка; боязнь того, что ты снова обидишься на что-то, скорее всего, просто выдуманное твоей больной головой; или что снова тебе не понравится кто-то, с кем я общаюсь. И начнётся опять всё *это*. И как я не пыталась с ним, со страхом, как-то справиться, закрыть на эту хрень глаза – не получалось. Я (так, на всякий случай) тоже – человек.

– Нет... Ты лучший из людей.

– Даже если и представить, что так и есть, это не значит, что я могла терпеть вечно.

– Прости.

– Я простила нас за всё и, надеюсь, ты тоже сможешь, – сказала она, снова вздохнула, но теперь уже только от усталости. – Я не знаю точно, что там творится в твоей душе, как ты справляешься, если вообще справляешься. Но лучше бы тебе справиться. Потому что, если ты просто выпилишься, это будет совсем жалкое зрелище. Спустись-ка, гениальный композитор, на землю, – «гениальный композитор» она произнесла как бы в кавычках.

Я не знал, что ответить. Знал только, что падает снег и что она стоит прямо передо мной.

Лёгкий мороз не давал забыть в мыслях, вырезывая каждый рецептор в мозгу, и, будто вырванные на поверхность кожи, нервы ощущали это мгновение, ощущали даже её дыхание, хотя стояла она не близко – где-то в метре от меня. Они почувствовали, как она уходила.

Она было зашла в подъезд, но остановилась в дверях, обернулась и добавила:

– И, пожалуйста, не выпрашивай у жизни счастья. Не выторговывай.

– А что с ним делают?

– Берут.

– Бейрут?

– Что?

– Я там не был. Но брат ездил туда на научную конференцию.

– Да ну тебя, – она ушла, и больше я её не видел.

Я соврал, не ездил никогда мой брат в Бейрут; что ему там делать, в этой дыре?

Дверь закрывалась медленно, и, наконец, замагнитилась.

Обошёл дом с другой стороны и сел на скамейку почти напротив её балкона и окна на первом этаже; подумал с улыбкой о том, что про вещи мои так никто из нас и не вспомнил. Я бросил взгляд внутрь её комнаты. Там загорелся свет. Я достал последнюю сигарету, повертел её в руках, несколько раз понюхал. Потом вставил в рот и поджёг. Лёгкие затянули в себя мягкий дым, я выдохнул. Большое облако дыма полетело вверх.

Перевёл взгляд под ноги, на чистый, недавно выпавший снег. Из головы исчезли все мысли. Я лишь знал, что сел здесь, оказавшись под фонарём, светившим ледяным пронизывающим светом, потому что если мне и следовало где-то сейчас быть, то именно здесь. Потому что лишь за этими шторами, напротив, меня любили так честно, так странно и запредельно. Потому что не было другого места, куда можно было бы идти, не было ничего, не было совершенно ничего, только эта скамейка, это окно и этот балкон.

Я вдруг осознал, как тихо вокруг. Только иногда небольшая сосновая роща неподалёку, где-то за спиной, колыхалась от слабого ветра. Я посидел немного, сделал последнюю затяжку, выбросил в урну сигарету и выдохнул. Снова поднялось облачко дыма. Я следил за ним, секунд через пятнадцать оно рассеялось.